

УДК 811.161:251

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ А.С.ПУШКИНА “КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА”

Сидоренко В.О., Ландар І.В.

У статті розглянуто особливості структури художнього часу в цьому тексті О.С.Пушкіна.

Ключові слова: текст, категорія, простір, художній час, хронотоп, темпоральний маркер.

В статье идет речь об особенностях структуры художественного времени в данном пушкинском тексте.

Ключевые слова: текст, категория, пространство, художественное время, хронотоп, темпоральный маркер.

The article tells us about the peculiarities of structure of artistic time in the given Pushkin's text.

Key words: text, category, space, time of art, chronotope, temporary marker.

Постановка научной проблемы. Под категорией художественного времени, как правило, понимается сформированная в тексте произведения особая разновидность временного континуума, которая представляет собой форму “бытия идеального мира эстетической действительности, форму существования сюжета, пространственно-временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума” [9, с. 8]. Данное определение, принадлежащее З.Я.Тураевой, подчеркивает неразрывную связь художественного времени с художественным пространством, на что указывают и другие исследователи.

Так, Н.К.Гей считает, что именно в этих текстовых категориях оказывается соединенным весь комплекс проблем, связанных с функционированием текста, от лингвистических до философско-культурологических. Ими определяются как структура художественного мира, так и речевая система, реализующую этот мир: “... временные и пространственные координаты оказываются не только каркасом произведения, но и одним из действенных средств организации его содержания” [4, с. 228].

По мнению Т.В.Матвеевой, художественное время и художественное пространство являются “важнейшими характеристиками художественного образа, организующими композицию произведения и обеспечивающими его восприятие как целостной и самобытной художественной действительности” [5, с. 125].

В художественном произведении категория времени представляет собой “многослойную” структуру и характеризуется только ей присущими свойствами: аритмичностью, одномерностью/многомерностью, прерывностью/непрерывностью, упорядоченностью/неупорядоченностью [9, с. 17–27]. Эти свойства можно считать определяющими и для времени перцептуального (психологического), без которого невозможна реконструкция временного опыта персонажа, обладающего, как и каждый объект реальной действительности, собственным временем. Это время принято называть “персонажным, или субъективным, временем героев” [3, с. 135]. Оно, в отличие от пространства, данного в конкретных физических ощущениях, всегда индивидуально и зависит, в первую очередь, от субъективных факторов, т.е. каждый характер “реализуется через его тип хронотопа” [2, с. 18]. В зависимости от того, как “воспринимается” время тем или иным персонажем, каким способом передается его течение, что послужило доминирующей вехой в системе его отсчета, можно выделить следующие типы хронотопов, или типы персонажного времени: **предметное (предметно-процессуальное), процессуальное, пространственное, прагматико-практическое (прагматическое), фенологическое (натуральное, физиологическое)** [8, с. 30].

Персонажное время всегда включено в сюжетное время, под которым понимается “длительность и последовательность изображаемых событий” [7, с. 28–29] и которое некоторыми

исследователями рассматривается как идеентичное художественному, в то время как под фабульным подразумевается “временная последовательность и принципы временных связей повествования о том или ином действии” [7, с. 34]. В составе сюжетного могут также выделяться: сюжетное настоящее, сюжетное прошлое, сюжетное будущее, досюжетное прошлое, постсюжетное будущее [1, с. 7].

Цель нашего исследования – определение роли темпорального компонента в создании образов персонажей в пушкинской повести “Капитанская дочка”.

Изложение основного материала. “Носителями времени” в повести А.С.Пушкина “Капитанская дочка” являются ее персонажи, которые представляют два мира: мир дворянства и мир восставших крестьян. Эти миры существуют в какой-то мере изолированно друг от друга. Такая изоляция, некая замкнутость выражается и в том, что каждому из этих миров может быть “присвоено” своё время года: дворянскому, на наш взгляд, соответствует осень, а повстанческому – зима, что подтверждается и на уровне темпоральных маркеров.

Знакомство с семьёй Гринёвых – начало произведения происходит **осенью**, на что есть прямое указание в тексте: “**Однажды осенью** матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый” [6, с. 246]. Темпоральный маркер **однажды осенью**, подкрепленный объектным словосочетанием **варила варенье**, позволяет предположить, что время, зафиксированное в экспозиции повести, – **начало осени**.

Осенью происходит и дуэль Швабрина и Гринёва, чему находим косвенное подтверждение в тексте: “Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкой в руках; по препоручению комендантши он нанизывал **грибы для сушения на зиму** ... На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая своего противника” [6, с. 266].

Еще одно событие происходит **осенью**: приезд Гринёва к генералу после взятия Белогорской крепости: “Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнажённые **дыханием осени**, и с помощью старого садовника бережно их укутывал тёплой соломой” [6, с. 303].

Дыхание осени “присутствует” и в сцене встречи дочери коменданта крепости Маши Мироновой, которая пытается спасти своего возлюбленного, с императрицей Екатериной II. “На другой день рано утром Мария Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, **пожелтевших уже под свежим дыханием осени**” [6, с. 335]. В данном контексте указание на осеннее время года “усиливается” временным словосочетанием **пожелтевших уже**, выступающим в роли темпорального конкретизатора.

С миром восставших крестьян, как уже отмечалось, “связана” **зима**. Так, первая встреча Петруши Гринёва с Пугачёвым-вожатым происходит в степи во время бурана. “Я выглянул из кибитки: всё было **мрак и вихорь**. **Ветер выл** с такой

свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; **снег засыпал** меня и Савельича ... Через две минуты мы поравнялись с чело-веком” [6, с. 253].

Еще одна встреча с Пугачёвым, состоявшаяся через несколько месяцев в крепости, также происходит **зимой**: “Я оставил Пугачёва и вышел на улицу. Ночь была тихая и **морозная**” [6, с. 298].

Указание на зимнее время года находим и в главе “Мятежная слобода”, где речь идет об очередной встрече Гринёва и Пугачёва. “Кибитка летела по гладкому **зимнему пути**... Путь мой шёл мимо Бердской слободы, пристанища пугачёвского. Прямая дорога **занесена была снегом**” [6, с. 318].

Следует отметить, что зимнее время чаще всего передается не конкретными темпоральными маркерами, а опосредованными (**мрак, вихорь, снег, морозная ночь** и др.).

Своеобразным связующим звеном между миром дворянства и миром восставших крестьян по воле судьбы становится главный герой повести молодой офицер Петр Гринёв. Он “присутствует” практически одновременно в двух этих мирах, подтверждением чему могут быть и темпоральные маркеры, используемые непосредственно в пушкинском тексте: разговор о военной службе впервые зашел **однажды осенью, когда матушка варила варенье; день отъезду был назначен** (осень); и тут же – “**На другой день поутру** подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; ... **Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу**” (зима) [6, с. 246–247].

Одновременность существования в двух мирах и двух временных планах изначально “предписана” главному герою, поскольку в тексте он же выступает и в роли рассказчика-мемуариста. Автору нужен был “свидетель”, непосредственно участвовавший в событиях, лично знавший Пугачёва и его окружение, поэтому А.С.Пушкин и выбирает для своей повести форму мемуаров (записок), довольно распространенную в литературе того времени.

Гринёв-рассказчик на склоне лет возвращается к событиям своей юности. Он не пытается ничего скрыть от потомков – ни своих поступков, ни своих тогдашних мыслей: “Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан...” [6, с. 316]. Понимая, что Пугачёв – бунтовщик, разбойник, представляющий опасность для самодержавия, Гринёв-офицер, Гринёв-дворянин считает своим долгом рассказать правду об этом человеке.

Полифункциональность образа Петра Гринёва определяет и особенности его персонажного времени, которое включает несколько составляющих. Сюжетным настоящим можно считать время Гринёва-рассказчика, человека, умудренного жизненным опытом, много повидавшего на своем веку, сюжетным прошлым – время Петруши Гринёва, недоросля, юноши, романтически настроенного на воинскую службу. Первый смотрит на себя со стороны, посмеивается над ошибками молодости, над своей неопытностью, однако и гордится тем, что не опорочил дворянской чести, из чего следует, что

основные жизненные принципы были сформированы уже тогда и остались неизменными.

Еще одной составляющей персонажного времени Петра Гринёва можно считать досюжетное прошлое – воспоминания-ретроспекции: он тепло вспоминает свое детство, с юмором говорит об “уроках” учителя-француза: “Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, – и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу...” [6, с. 245].

Самоирония Гринёва-рассказчика позволяет объективно изобразить события, представить Гринёва-юношу лишенным тщеславия, эгоизма и гордыни.

К досюжетному прошлому можно также отнести его воспоминания о родителях: “Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника” [6, с. 244].

С момента начала “записок” – сюжетное прошлое главного героя Гринёва – события описываются в хронологической последовательности: относительно подробно повествуется о сборах на службу и дороге до Белогорской крепости. До Симбирска он добирался за сутки: “**В ту же ночь** приехал я в Симбирск” [6, с. 248]. Хронология обеспечивается повторяющимся темпоральным маркером “**на другой (же) день**”, который сигнализирует о наступлении третьего, четвертого и остальных дней, проведенных героем в пути.

В литературе XVIII – начала XIX вв. активно использовался “прием дороги” (жанр путешествия, приключения), который позволяет показать характер персонажа в развитии. А.С.Пушкин также пользуется этим приемом.

В дороге происходит “взросление” Петруши Гринёва. Из вчерашнего недоросля, гонявшего голубей и игравшего в чехарду с дворовыми мальчишками, он превращается в молодого дворянского офицера. Подтверждением тому могут служить два эпизода по пути в Оренбург. Один из них – проигрыш ста рублей Зурину, выплата которого – дело чести для офицера; второй связан с заячьим тулупчиком, подаренным случайному попутчику, что свидетельствует о великодушии молодого человека, о том, что он уже готов совершать взрослые поступки.

Время “в дороге” всегда динамично, его течение измеряется пространственными вехами, поэтому оно и называется пространственным, о чем уже упоминалось выше. Это время – ещё один компонент, определяющий тип персонажного времени главного героя:

– **усадьба родителей** (“Родители мои благословили меня... Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами” [6, с. 248]);

– **симбирский трактир** (“Я остановился в трактире” [6, с. 248]);

– **постоялый двор** (“– Куда приехали? – спросил я, протирая глаза. – На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся” [6, с. 255]);

– **Оренбург** (“Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу” [6, с. 258]);

– **Белогорская крепость** (“Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором” [6, с. 259]).

По приезде в Белогорскую крепость восприятие времени героем изменяется. Время становится статичным, “тягучим”, его движение “замедляется”, все дни похожи один на другой: “Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава богу, ученье не уйдет; успеет накричаться” [6, с. 262]; “Передо мною простиралась печальная степь... И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость. Тоска взяла меня...” [6, с. 261]; “У нас давно ничего не слыхать” [6, с. 263].

Семантика темпоральных указателей изменяется, начиная с главы “Приступ”, она приобретает значение конкретности: “**сегодня; с этих пор; наконец; тот же час; через минуту**”. Глагольные формы прошедшего времени (“**летел; увидел; закричал; стал читать молитву; стал смотреть**”) способствуют созданию соответствующего ритмического рисунка, передающего “насыщенность” времени событиями, его стремительность: поединок – любовь – пугачевщина – разлука с невестой – осада Оренбурга – освобождение Маши Мироновой – арест – суд.

Такая стремительность времени, выраженная языковыми средствами различных уровней, сменившая “временную растянутость”, характерна для персонажного времени молодого офицера Гринёва, но не для Гринёва-рассказчика, дающего оценку историческим событиям: “Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный” [6, с. 328].

Таким образом, соблюдение хронологической последовательности в развитии действия, упоминание реальных исторических событий, передача течения времени посредством темпоральных маркеров, обозначающих конкретное время, позволяют определить персонажное время Петра Гринёва как время **прагматико-практическое**, включающее элементы **пространственного**.

Хронотопы других персонажей повести определяются в зависимости от того, какие темпоральные маркеры доминируют в их реализации. Так, жизнь родителей Петра Гринёва проста и обыденна, их время связано с природными процессами и носит циклический характер. “Батюшка у окна читал Придворный календарь, **ежегодно им получаемый**. ... Матушка, зная наизусть **все его свычай и обычай**, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный Календарь не попадался ему на глаза **иногда по целым месяцам**. Зато, когда он

случайно его находил, то бывало **по целым часам** не выпускал уж из своих рук” [6, с. 246]. Они – люди старого поколения, для которых дом и семья превыше всего: “Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкатулке вместе с сорочкой, в которой меня крестили, и вручила батюшке дрожащею рукою” [6, с. 247]. Для них естественно соседство паспорта, государственного документа, и крестильной сорочки в одной шкатулке – хранительнице домашнего очага. Их отличает искренность и гостеприимство: “Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало **людей старого века**. Они видели благодать божью в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту” [6, с. 333]. Жизнь этих людей подчинена тем естественным временным вехам, которые характеризуют бытие провинциальных дворян, поэтому их персонажное время определяется как **фенологическое**.

Процессуально-фенологическим типом можно считать время родителей Маши Мироновой, Ивана Игнатъича, коменданта Белогорской крепости, и Василисы Егоровны. Они также представляют “людей старого века”, для которых крепость была, по сути, домом – со всеми свойственными этому идиллическому топосу атрибутами, со своей “домашней” иерархией ценностей. Василиса Егоровна “на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домом” [6, с. 264]. Ритм повседневной жизни диктуют здесь “щи” и “гости” (Гринев “был принят как родной”), но не “ученье”. Разрушение дома-крепости, привычного уклада жизни и насильствен-

ная смерть этих людей взаимообусловлены: для них существование “вне друг друга” невозможно. **Процессуально-фенологическое** время, “присвоенное” этим персонажам, связано с передачей временного значения через длительность различных процессов, включающих элементы цикличности.

Выводы. Временной континуум пушкинской повести “Капитанская дочка” определяются, в первую очередь, “формой записок”, которая предполагает повествование от первого лица, что приводит к “наложению” времени рассказчика и персонажного времени главного героя. Именно через его восприятие время “включается” в содержательную структуру текста.

Одна из особенностей художественного времени в анализируемом тексте – несовпадение времени фабульного и времени сюжетного. Фабульное, в отличие от сюжетного, включает только те события, о которых идет речь в записках-мемуарах. Его можно считать календарно определенным: “... оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала **октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года**, в которое число он из города отлучился, и с той поры уже в команду мою не являлся” [6, с. 331].

Каждый персонаж повести наделен индивидуальным, личностным отношением ко времени, течение которого определяется посредством вех, формирующих его тип.

Реализуется категория художественного времени в тексте повести лексическими темпоральными маркерами, выражающими время эксплицитно, т.е. непосредственно обозначая его (день, ночь, осень и т.п.).

Литература

1. Андреева Т.А. Структура сюжетного времени (на материале рассказов Э. Хемингуэя) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Андреева Т. А. – Л., 1976. – 20 с.
2. Вайман С. Т. Гармонии таинственная власть / С. Т. Вайман. – М., 1989. – 368 с.
3. Володин Э. Ф. Специфика художественного времени / Э. Ф. Володин // Вопросы философии. – 1978. – № 8. – С. 132–141.
4. Гей Н. К. Время и пространство в структуре произведения / Н. К. Гей // Контекст 1974. – М., 1975. – С. 213–228.
5. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т. В. Матвеева. – Свердловск, 1990. – 172 с.
6. Пушкин А. С. Романы и повести / А. С. Пушкин. – М., 1973. – С. 244–351.
7. Ржевская Н. Ф. Концепция художественного времени в современном романе / Н. Ф. Ржевская // Филологические науки. – 1970. – № 4. – С. 28–40.
8. Спачиль О. В. Художественное время в композиционно-речевой структуре южного романа США : дисс. ... канд. филол. наук / Спачиль О. В. – Одесса, 1988. – 159 с.
9. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное / З. Я. Тураева. – М., 1979. – 220 с.